

Глава VIII.

1879 годъ. Террористическій періодъ землевольской дѣятельности. Террористическіе акты въ началѣ 1879 года: убійство шпіона Рейштейна въ Москвѣ, убійство харьковскаго губернатора кн. Кропоткина, покушеніе на жизнь шефа жандармовъ, Дрентельна, 13 марта 1879 г. „Листокъ Земли и Воли“ №№ 2 и 3. Совѣтъ землевольцевъ въ Великій Четвергъ на Страстной недѣлѣ (1879 г.). Покушеніе Соловьева на жизнь Александра II (2 апрѣля 1879 г.) „Листокъ Земли и Воли“ № 4 по этому поводу. Эволюція землевольской революціонно-народнической программы: „Земля и Воля“ №№ 3, 4 и 5. Разладъ между теоріей и практикой. Военное положеніе. Казни, ссылки и аресты. Воронежскій съѣздъ. Составъ съѣзда. Характеръ съѣзда. Послѣдніе дни общества „Земля и Воля“. Скрытая борьба двухъ діаметрально-противоположныхъ тенденцій—политической и экономической. Исходъ этой борьбы: раздѣленіе общества „Земля и Воля“ на двѣ фракціи: фракцію „Народной Воли“ и фракцію „Чернаго Передѣла“.

„Еще одно сказанье—и лѣтопись окончена моя!“

Перехожу теперь къ послѣднему акту нашей драмы—къ террористическому періоду землевольской дѣятельности и заключительному ея аккорду—расколу общества «Земля и Воля». Тяжелое это было время. Тяжело жилось въ то время и всей партіи и каждому революціонеру въ отдѣльности. Всѣ чуяли, что фактически начинается какой-то поворотъ въ направленіи партіи, который можетъ привести къ тому, что она теперь теоретически отрицаетъ»¹⁾.

Вотъ какими чертами характеризуетъ хроникеръ № 1 «Листка Земли и Воли» первые два мѣсяца 1879 года.

«Непрерывной нитью тянутся предъ нами суды, ссылки, обыски и аресты нашихъ товарищей. Среди непроглядной ночи, царящей надъ нашей родиной, подъ непроницаемымъ покровомъ которой уже много лѣтъ кипитъ незамѣтная непривычному взгляду подпольная революціонная работа, по временамъ раздаются отдѣльные удары приближающагося землетрясенія.

Это казни правительственныхъ преступниковъ. Это первые симптомы быстро обостряющейся революціонной борьбы²⁾. Они возмущаютъ мертвую тишину ночи. Все быстрѣе и быстрѣе смѣняются они и заслоняютъ собою одни другіе.... То, что случилось вчера, сегодня отошло на задній планъ картины и не волнуетъ болѣе прежней любовью или ненавистью наполненныя другими событіями человѣческія сердца. Жизнь не ждетъ».

Новый годъ снова открылся цѣлымъ рядомъ выстрѣловъ: то защищаются съ оружіемъ въ рукахъ революціонеры во время арестовъ—Валеріанъ Осинскій и Лешернъ въ Кіевѣ въ январѣ; Брантнеръ, Антоновъ съ товарищами тамъ же—въ февралѣ. Одновременно съ этимъ пуля революціонера сразила харьковскаго губернатора (9 февраля 1879 года), князя Кропоткина. Въ № 4 «Земли и Воли» помѣщено письмо виновника этого убійства или, какъ то гда выражались, «казни»,—Г. Гольденберга. Письмо это—обращеніе къ обществу, въ которомъ самъ авторъ объясняетъ мотивы, въ силу которыхъ онъ рѣшилъ на такую крайнюю мѣру. Его - де

¹⁾ Изъ моихъ воспоминаній 1883—84 года.

²⁾ Курсивъ нашъ О. А.

толкнулъ на этотъ роковой шагъ самъ Кропоткинъ, онъ заслужилъ свою казнь.

«Онъ, какъ наемный убійца, виновенъ въ томъ, что за жалованье, за содержаніе, получаемое отъ правительства, совершаетъ убійство 30 русскихъ социалистовъ,—и какое еще убійство! Онъ виновенъ въ томъ, что съ его вѣдома и по его приказанію были до полусмерти избиты политическіе преступники въ харьковской городской тюрьмѣ. Наконецъ, онъ виновенъ еще въ томъ, что, по его распоряженію, были избиты нагайками собравшіеся безъ всякой преступной цѣли студенты, что неправильно донесъ объ этомъ побоищѣ министру внутреннихъ дѣлъ, сообщивъ, что студенты сами бросились бить казаковъ,—когда дѣло происходило иначе, на глазахъ многочисленной публики и совѣта профессоровъ».

Въ заключеніи своего обращенія къ «Обществу» авторъ говоритъ:

«Знай же русское общество, что каждый честный человѣкъ волнуется тѣмъ же чувствомъ, тѣмъ же желаніемъ. И покуда ты будешь спать, тебѣ не разъ придется принимать участіе въ единственно дозволенномъ тебѣ дѣлѣ—похоронахъ высокопоставленныхъ особъ!...»

Такъ начался 1879 годъ. Это ничего хорошаго не предвѣщало. На политическомъ горизонтѣ все болѣе и болѣе сгустились грозовыя тучи, издалека уже доносились раскаты грома.....

Въ то время, когда описываемыя мною событія развертывались съ необходимостью желѣзнаго закона, изъ Петербурга вернулся «Титычъ». По пути онъ заѣхалъ ко мнѣ въ Тамбовскій уѣздъ, гдѣ онъ, въ числѣ другихъ «деревенщиковъ», занималъ должность народнаго учителя. Онъ передалъ мнѣ желаніе петербургскихъ товарищей, чтобы я оставилъ деревню и перебрался въ Петербургъ.

Тамъ тогда ощущался крайній недостатокъ въ рабочихъ силахъ. Наши петербургскіе товарищи буквально разрывались на части. Работы было по горло. Началось сильное броженіе среди фабрично-заводскихъ рабочихъ. Снова пошла полоса стачекъ. Кромѣ того петербургскіе рабочіе стали организовываться. По инициативѣ Степана Халтурина уже образовался «Сѣверно-русскій рабочій союзъ». Параллельно съ движеніемъ среди рабочихъ началась организационная работа среди петербургской учащейся молодежи, вылившаяся въ формѣ «землячествъ». Во главѣ этого движенія сталъ студентъ Осмоловскій. Однимъ словомъ,—по рассказамъ «Титыча»,—началась глубокая творческая работа въ самыхъ живыхъ общественныхъ слояхъ петербургскаго населенія. Запросъ, поэтому, на опытныхъ работниковъ сильно возросъ: требуютъ и рабочіе, и молодая интеллигенція. Петербургскихъ землевольцевъ не хватаетъ, а потому «центръ» и прочія группы разбрасываются по необходимости по сторонамъ. Далѣе «Титычъ» передалъ мнѣ, что петербургскіе наши товарищи начинаютъ все болѣе и болѣе тяго-

тѣтъ къ дезорганизаціонной (террористической) дѣятельности, что революціонное движеніе принимаетъ все болѣе и болѣе острый характеръ, что движеніе, очевидно, все болѣе и болѣе стало сводиться къ единоборству между правительствомъ и революціонной интеллигенціей.

— Наши землеvolьцы,—заклучилъ «Титычъ»,—круто повернули фронтъ, а молодежь, на нихъ глядя, словно сорвавшись съ цѣпи, такъ и рвется въ бой.—Все это мнѣ разсказалъ «Титычъ». Онъ былъ сильно озабоченъ. Его пронизательный критическій умъ ужъ предвидѣлъ серьезныя замѣшательства.

— Что же дѣлать?—спросилъ я, выслушавъ его подробное сообщеніе.

— Намъ во всякомъ случаѣ надо жить въ деревнѣ! что бы ни случилось—здѣсь должны быть свои люди! А ты, Осипъ, поѣзжай въ Петербургъ—тамъ разберешься!..

Нѣсколько дней спустя я уже былъ по дорогѣ въ Петербургъ. Я оставилъ деревню съ тяжелымъ чувствомъ. Больше я уже въ деревню не возвращался. За мною, спустя 2-3 мѣсяца, потянулись и многіе другіе «деревенщики»: одни—потому, что ихъ присутствіе въ Петербургѣ вызывалось крайней необходимостью, другіе—потому, что ихъ выбивала изъ деревни та или иная темная сила: интриги мѣстныхъ воротилъ, административныхъ и общественныхъ, какъ это, напр., было съ В. Н. Фигнеръ въ Саратовской губерніи.

Особенно стали рѣдѣть наши ряды въ деревняхъ послѣ 2-го апрѣля 1879 года—покушенія на жизнь Александра II. Изъ Тамбовской губ. бѣжалъ Гартманъ («Алхимикъ»), а вскорѣ вслѣдъ за нимъ былъ арестованъ Пекарскій; оставили деревню Мощенко, «Титычъ», Хотинскій и проч.

Ново-саратовское же поселеніе послѣ 2-го апрѣля окончательно распалось. Можно себѣ представить, какъ себя чувствовали одинокіе, кое-гдѣ разбросанные по деревнямъ и селамъ «деревенщики»! Нельзя, поэтому, ихъ винить, если они, не вынося безысходно-тяжелого чувства оброшенности и одиночества, разбѣжались къ концу 1879 года совершенно врозь... Эти люди уходили изъ деревни съ глубокимъ чувствомъ скорби, горечи и все болѣе и болѣе сгущающейся ненависти къ существующему политическому строю. Больно, тяжело и обидно было отказаться отъ того, что такъ недавно еще наполняло все твое существованіе. Уходили съ поля битвы не юноши зеленые, а зрѣлые, опытные люди. Опустѣла деревня. Три года съ небольшими перерывами мы поработали въ деревнѣ. Что же мы успѣли? Какіе результаты получили? Оглядываясь назадъ, на путь, пройденный нами,—путь, усѣанный не розами, а ухабами и трясинами,—мы, положи руку на сердце, имѣемъ право сказать: наша работа не прошла безслѣдно въ деревнѣ! Наше слово не было гласомъ вопіющаго въ пустынь! Правда, мы еще не успѣли создать въ народѣ боевую партію, боевую силу въ противовѣсъ архаической силѣ существующаго приказно-крѣпостническаго государственнаго строя. Это правда. Но намъ удалось своей разнообразной подготавительной-революціонной работой сузить

значительно ту страшную пропасть, которую безпощадно-суровая исторія наша вырыла между нами, интеллигентами, и народомъ. Не забудемъ, что мы были тогда—въ 70-хъ годахъ—чуть ли не первыми піонерами-культуртрегерами съ революціонными цѣлями. Наша разнообразная культурная дѣятельность непосредственно въ пользу народа была насквозь пропитана революціонными элементами. Мы учили народъ—и притомъ не какъ пришлые, чуждые ему, люди, а какъ свои,—лѣчащіе его, учащіе его, радѣющіе о немъ люди,—въ амбулаторіяхъ, въ сельскихъ и народныхъ школахъ, на базарныхъ площадяхъ, въ трактирахъ и мастерскихъ,—учили его, какъ онъ долженъ освободиться отъ вѣковѣчнаго гнета. Мы будили дремлющее въ немъ чувство протеста, мы бросали лучи свѣта въ темное еще тогда сознание его. Это не была простая культурная работа, какъ иные изображаютъ ее весьма наивно; это была работа подготовительно-революціонная, такъ какъ, повторяю, верховнымъ принципомъ нашей многосторонней культурной дѣятельности была революція: освобожденіе народа самимъ же народомъ. Это была невидимая, на глазъ незамѣтная, работа, но которая капля-по-каплѣ выдалбливала трещины и щели въ инертной тогда еще массѣ крестьянства. Черезъ эти щели и трещины то и дѣло проникали вглубь революціонныя мысль, чувство и воля. И вмѣстѣ съ «объективнымъ процессомъ исторіи», наша подпольная работа въ концѣ-концовъ создала въ народѣ нѣкоторую атмосферу безпокойства, тревоги и недовольства. Однимъ словомъ, гдѣ ни работалъ земледелецъ, онъ оставлялъ послѣ себя неизгладимый слѣдъ. И я имѣлъ право въ 1883 году занести слѣдующія строки въ неизданныя мои записки:

«Практика вполне доказала, что тамъ, гдѣ революціонныя поселенія просуществовали хоть одинъ годъ, революціонерамъ удалось заслужить уваженіе, любовь и довѣріе крестьянъ. Недаромъ нѣкоторые представители администраціи и земства, узнавши, что лица, съ которыми они по разнымъ дѣламъ сталкивались, принадлежатъ къ социалистической партіи, говорили, что если всѣ социалисты таковы, то они вскорѣ завоюютъ народъ».

И мы ясно сознавали это наше значеніе въ народѣ, но насъ глубоко огорчало, — во-первыхъ, —неподготовленность еще массъ въ революціонномъ отношеніи, собственная слабость нашихъ личныхъ силъ, —во-вторыхъ, и, наконецъ, непрерывная убыль въ нашихъ рядахъ, не возмѣщаемая притокомъ свѣжихъ силъ, —въ-третьихъ. А непрерывная убыль эта производилась совмѣстнымъ дѣйствіемъ многихъ причинъ: то насъ стала отвлекать изъ деревни непосредственная борьба съ правительствомъ, становившаяся съ каждымъ днемъ все острѣе и острѣе, то неизбежныя аресты и прочія правительственныя преслѣдованія, изгонявшія насъ изъ деревень, то, наконецъ, замѣтное чувство утомленія работою въ народѣ и горькое сознаніе, что одинъ въ полѣ—не воинъ. Все эта въ общей совокупности и вызвало постепенное обезлюденіе нашихъ революціонныхъ поселеній и, наконецъ, окончательное ихъ крушеніе. Мы всячески боролись противъ этого еще съ самаго на-

чала 1879 года. Мы всячески продолжали звать въ народъ, но—увы!—на нашъ зовъ мало кто откликался.

Да и въ нашемъ зовѣ не было прежней убѣдительности, прежняго жара. Чтобы людей двинуть на дѣло, недостаточно дѣйствовать только на умъ: надо всколыхнуть чувства,—эту тяжелую артиллерию нашей психики. Мы не могли тогда увлечь людей за собою, такъ какъ у насъ самихъ не было дѣла въ деревнѣ. Насъ задавила не теорія, а практика: ноша, которую мы возложили на себя, была намъ, «деревенщикамъ», не по силамъ—и мы пали, сокрушенные. Но, какъ утопающій, мы хватались за соломенку, ища спасенія въ деревнѣ. И чѣмъ дальше убѣгала отъ насъ деревня, тѣмъ милѣе она намъ становилась—и мы продолжали бороться за нее. Это не была только борьба изъ-за догмы или принципа: это была борьба за «быть или не быть?»

И она началась еще ранней весною 1879 года, сначала глухо, а потомъ все громче и громче, расширяясь и углубляясь, пока, наконецъ, не привела къ роковому расколу организаціи «Земли и Воли». И теперь, когда я вновь переживаю перипетіи этихъ драматическихъ событій, для меня все болѣе и болѣе становится понятной роковая неизбѣжность этого раскола.

По дорогѣ въ Петербургъ я изъ газетъ вычиталъ о какомъ-то таинственномъ убійствѣ, совершенномъ въ номерѣ одной изъ московскихъ гостинницъ. Прочитавъ разъ-другой подробности этого загадочнаго уголовного событія, я рѣшилъ въ умѣ, что это «наши сдѣлали». И не ошибся. По прибытіи въ Петербургъ я узналъ отъ товарищей и изъ «Листка Земли и Воли», что это дѣйствительно убитъ, по постановленію «Исполнительнаго Комитета», шпионъ-рабочій Рейнштейнъ. Въ «Листкѣ» по этому поводу было сказано:

«Рейнштейнъ вполнѣ заслужилъ свою участь: этотъ чело-вѣкъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни сдѣлалъ много зла. Имъ были выданы правительству десятки людей, которые до сихъ поръ находятся въ заключеніи или ссылкѣ въ нашихъ отдаленныхъ и безлюдныхъ окраинахъ».

Въ концѣ февраля я прибылъ въ Петербургъ. Я засталъ въ Петербургѣ Александра Михайлова, Александра Квятковскаго, Тихомірова, Морозова, Плеханова, Зунделевича, Мощенко, Игнатова, вскорѣ прибылъ и Поповъ.

За нѣсколько дней до моего пріѣзда намъ нанесло правительство чувствительный ударъ: оно вырвало изъ нашихъ рядовъ одного изъ выдающихся нашихъ товарищей, одного изъ самыхъ талантливыхъ редакторовъ нашего органа «Земля и Воля», Дмитрія Клеменса.

Итакъ, я снова среди моихъ дорогихъ товарищей, я снова въ моей дорогой рабочей семьѣ!

Что же я нашелъ въ ней?—«Глубокими, неизгладимыми чертами врѣзалось то время въ моей памяти, и я расскажу все, что увиѣлъ и услышалъ тогда, оставаясь вѣрнымъ правдѣ. Когда я

прибыль въ Петербургъ, то уже была рѣшена еще одна смерть—Дрентельна. На мой вопросъ, чѣмъ заслужилъ этотъ джентльменъ такую незавидную участь, мнѣ представили что-то вродѣ обвинительнаго акта. Дрентельнъ, между прочимъ, виновенъ главнымъ образомъ въ томъ, что ввелъ ссылку въ Якутскую область въ систему. Не скажу, чтобы этотъ и многіе другіе пункты обвиненія казались мнѣ достаточно сильными и убѣдительными, чтобы за это отнять у человѣка жизнь. Но мой голосъ тогда, конечно, ужъ не могъ имѣть значенія, такъ какъ приговоръ былъ уже произнесенъ громаднымъ большинствомъ голосовъ членовъ Совѣта противъ одного, который совсѣмъ воздержался отъ голосованія*).

Этотъ послѣдній, насколько мнѣ помнится, былъ такъ же, какъ и я, мало убѣжденъ въ необходимости такой крутой мѣры. Тѣмъ не менѣе все рѣшено и подписано. Дрентельнъ выслѣживается шагъ за шагомъ и, наконецъ, въ одинъ прекрасный петербургскій день—13 марта 1879 года—раздается выстрѣлъ ловкаго всадника: это стрѣлялъ Мирскій. Но стрѣлокъ—увы!—промахнулся. Остальное извѣстно.

Правительство пустило въ ходъ свою, обычную въ такихъ случаяхъ, тактику.

За выстрѣломъ Мирскаго послѣдовали такіе дни, какихъ не припомнить Петербургъ. Рѣдко проходила ночь безъ 60—80 обысковъ и арестовъ. Тюрьмы, крѣпости, замки и даже полицейскіе участки были буквально биткомъ набиты людьми всякаго созроста, пола и званія. Нерѣдко въ одну камеру попадали отъвы семейства съ ихъ домочадцами, къ большому, конечно, соблазну цервыхъ, чѣмъ послѣднихъ. Необходимо также и безъ любопытныхъ курьезовъ и смѣшныхъ недоразумѣній, поистинѣ достойныхъ пера юмориста. Но все это было бы, можетъ быть, и смѣшно, если бы не было такъ грустно. Вѣдь людей, точно барановъ, хватили и ни за что ни прочто угоняли въ ссылку. Даже полиція, говорятъ, и та уже стала роптать: ни днемъ ни ночью отдыхать нѣтъ.

Дрентельнъ—что и говорить!—опытный рыболовъ, но крупная рыба, къ несчастью его, не клевала—и уловъ въ концѣ концовъ не удался. Мирскаго онъ не поймалъ, «Вольной типографіи» не открылъ и почти ежедневно подъ самымъ его носомъ происходившихъ засѣданій землевольскаго Совѣта не накрылъ. Совѣтъ же въ это время развилъ неслыханную почти энергію и лихорадочную дѣятельность. Къ сожалѣнію, это уже не былъ тотъ Совѣтъ, какимъ я его зналъ два года тому назадъ. Не было въ немъ того единства, того согласія, той прямоты и искренности, которыя отличали его прежде.

Я увидѣлъ это нѣсколько дней спустя по прибытіи моемъ въ Петербургъ.

*) Это былъ членъ редакціи, Плехановъ. Онъ впротивовѣсъ политическому террору предложилъ городекой экономической терроръ, причемъ указалъ и на конкретный случай изъ тогдашнихъ рабочихъ стачекъ, въ которомъ было совершенно умѣстно примѣненіе террора послѣдней категоріи. 15-XI 1906 года.

Я былъ пораженъ какъ громомъ. «Деревенщина» наша,—М. Поповъ, Плехановъ, Мощенко и Игнатовъ,—съ пѣною у рта говорила мнѣ о террористическихъ стремленіяхъ нашей администраціи и большинства членовъ редакторской группы, а также и другихъ нашихъ товарищей. *Audiatur et altera pars!* (Выслушаемъ и другую сторону!). И я обратился за объясненіями къ террористамъ. Террористы, между которыми было не мало людей мнѣ симпатичныхъ, увѣрили меня, напротивъ, что это одно лишь печальное недоразумѣніе, что они ни на юту не отступаютъ отъ прежней программы, что всѣ предпріятія ихъ рѣшались Совѣтомъ, въ которомъ участвовала и «деревенщина», дававшая на всѣ эти предпріятія свое согласіе, что, однимъ словомъ, положеніе вещей мнѣ передано въ извращенномъ видѣ. Одни изъ нихъ были несомнѣнно искренни въ своихъ увѣреніяхъ: они смотрѣли на терроръ, какъ на дѣйствія, отнюдь не противорѣчающія, не исключающія—Боже упаси!—дѣятельности въ народѣ. Другіе политиканствовали. Третьи, наконецъ, категорически заявили мнѣ, что, по всему вѣроятію, дѣятельность приметъ иное направленіе, неизбежное въ силу самихъ вещей. Признаюсь, мнѣ было чрезвычайно трудно ориентироваться какъ въ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ разговоровъ и объясненій моихъ товарищей, такъ и въ собственныхъ моихъ мысляхъ и чувствахъ.

Ахъ былъ въ моей душѣ. Что деревенское дѣло,—на время, по крайней мѣрѣ,—погибло, въ этомъ я былъ глубоко убѣжденъ и имѣлъ на это солидныя основанія. Отъ самыхъ близкихъ моихъ друзей и товарищей я не скрывалъ этого. Но что слѣдуетъ дѣлать сейчасъ, я самъ не сознавалъ ясно—настолько ясно, чтобы самому взяться за это дѣло и привлечь къ нему другихъ. Террористической дѣятельности, какъ системы борьбы, я тогда, какъ и прежде, не признавалъ. Я допускалъ лишь исключительные случаи, какъ, на примѣръ, случай Вѣры Засуличъ. Даже такіе блистательные террористическіе акты, какъ убійства Мезенцева и Крапоткина, произвели на меня сравнительно слабое впечатлѣніе. Что близится время, когда политическая борьба станетъ необходимой и обязательной—это я видѣлъ уже тогда. Но я не могъ еще тогда это только что обозначавшееся новое теченіе вполне понять, чтобы оно было убѣдительно для меня и для другихъ. Фатальная же логика событій отнюдь не была для меня убѣдительнымъ аргументомъ. И даже наоборотъ. Обязательно и необходимо было,—казалось мнѣ,—бороться противъ этой опасной и вредной логики, ибо въ случаѣ полного успѣха политической борьбы, въ случаѣ благоприятнаго ея исхода, положеніе народа отъ этого только ухудшилось бы.

Это было тогда мое убѣжденіе, равно какъ и убѣжденіе многихъ народниковъ-революціонеровъ. Оно такъ глубоко укоренилось въ насъ, что отъ него не легко было такъ скоро отдѣлаться. Мы были убѣждены въ томъ, что за насъ, видите ли, стоитъ «историческій опытъ Западной Европы». Повторяю, я не зналъ, что дѣлать, понимая это въ обширномъ, конечно, смыслѣ. Спеціально для себя я намѣтилъ дѣло. Оно не противорѣчило моимъ убѣжденіямъ,

не терзало меня сомнѣніями. Но этого было мало. Какъ человѣкъ организаціи, я на первый планъ ставилъ общее дѣло, дѣло въ полномъ его объемѣ, а не оторванный клочекъ. Въ Петербургѣ я засталъ и другихъ бѣглецовъ изъ деревни, вольныхъ и невольныхъ.

Одни изъ нихъ, скрѣпя сердце, пристали окончательно и безповоротнo къ террору, какъ, на примѣръ, Квятковскій и Михайловъ; другіе же, оставаясь вѣрными своему знамени, звали въ деревню, хотя звать-то, признаться, было некого и итти некуда!

Путь былъ загроможденъ всевозможными препятствіями, а людей, способныхъ расчистить этотъ путь, было самое большее — десятокъ-другой. Одна ласточка весны не дѣлаетъ. Но тѣмъ не менѣе они упорно продолжали выкликать ласточекъ, но—увы!— время ихъ прошло: на зовъ ихъ никто не явился! Вотъ эти то товарищи больше всего старались противодѣйствовать террористическимъ стремленіямъ, хотя, по непонятному для меня противорѣчію, они же вотивали съ террористами за тѣ или другія дезорганизаторскія предпріятія*). Принципіальныя разногласія обострялись съ каждымъ днемъ и стали принимать характеръ личныхъ раздоровъ.

Въ нашу семью, такимъ образомъ, было брошено сѣмя раздора, которое не замедлило вскорѣ принести плоды. Въ редакціонной и типографской группахъ нѣтъ ладу, а о Совѣтѣ и говорить нечего: пререканіямъ и упрекамъ всяческимъ нѣсть конца. «Деревенщина» предложила мнѣ составить докладную записку и представить ее въ ближайшее засѣданіе Совѣта. У меня съ «деревенщиной» общаго было—во-первыхъ,—безусловное отрицаніе террора, какъ формы борьбы вообще, а, во-вторыхъ,—отрицательное мое отношеніе къ политикѣ. Въ деревню я самъ тогда не звалъ, ибо зналъ настроеніе деревни и размѣръ нашихъ деревенскихъ силъ. Моя записка, поэтому, скорѣе имѣла характеръ протеста противъ начавшихся раздоровъ въ нашей семьѣ. Я призывалъ къ примиренію, убѣждалъ оставить террористическій путь, какъ крайне опасный, могущій насъ завести въ такія дебри и трущобы, изъ которыхъ намъ потомъ выхода не будетъ. О деревнѣ я тоже упомянулъ. Во-первыхъ—потому, чтобы заплатить дань «деревенщинѣ», а, во-вторыхъ,—въ то смутное тяжелое время, въ томъ сплошномъ мракѣ, который окуталъ меня тогда, деревня осталась единственной свѣтлой звѣздочкой, сулившей,—правда, очень туманно,—болѣе радостные дни. Я не рассчитывалъ на успѣхъ моей записки. Я зналъ уже хорошо настроеніе моихъ товарищей и положеніе вещей.

Записка была представлена и произвела благопріятное вообще впечатлѣніе». (Изъ моихъ воспоминаній 1883-84 гг.).

Милый, симпатичный и чуткій Квятковскій, прочитавъ внимательно записку, сдѣлался темнѣе темной ночи. Левъ Тихоміровъ, улыбнувшись, проговорилъ: «А Осипъ можетъ писать!». Александръ

*) Теперь я считаю возможнымъ и необходимымъ оговориться, что это не относится къ Плеханову, который всегда высказывался противъ террора, за исключеніемъ экономическаго.

Михайловъ, ясный, свѣтлый и спокойный; какъ всегда, подчеркнувъ слѣдующія мои слова въ запискѣ: «опытный воинъ, хорошій стрѣлокъ, не растрчиваетъ зря всѣхъ своихъ зарядовъ, а приберегаетъ ихъ къ необходимому моменту», замѣтилъ при этомъ:— «А когда, Осипъ, можно узнать объективно, что настоящій моментъ насталъ? Ты полагаешь, что мы рано выступили на борьбу съ правительствомъ, а мы вотъ противоположнаго мнѣнія!» Такъ моя записка и осталась безъ послѣдствій. Дѣла наши пошли своимъ чередомъ, какъ это я раньше предвидѣлъ. Наши товарищи-террористы, между тѣмъ, приготовили намъ новый сюрпризъ. Сюрпризъ этотъ явился со стороны редакціи «Листка Земли и Воли» *). Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ сюрпризѣ, намъ слѣдуетъ раньше познакомиться съ №№ 3-мъ и 4-мъ «Земли и Воли», вышедшими въ январѣ и февралѣ 1879 года.

Тогда дѣйствительное значеніе этого сюрприза предстанетъ предъ нами въ его настоящемъ неприкрашенномъ видѣ.

Въ руководящихъ статьяхъ 3 и 4 нумеровъ «Земли и Воли»— «Законъ экономическаго развитія общества и задачи социализма въ Россіи»—авторъ ихъ, Плехановъ, послѣдовательно и стройно развиваетъ нашу революціонно-народническую программу, при чемъ послѣдняя въ № 4 эволюционируетъ впередъ: выдвигается впервые рабочій вопросъ, какъ вопросъ самостоятельный. Въ № 3 Плехановъ пытается рѣшить старый, грозный, еще поставленный Герценемъ вопросъ: «должна ли Россія пройти всѣ фазы европейскаго развитія?», т. е. должна ли Россія пройти черезъ «школу» капитализма? Опираясь на авторитетъ Маркса и на анализъ происхожденія капиталистическаго строя на Западѣ, нашъ авторъ даетъ на это совершенно отрицательный отвѣтъ. Плехановъ доказываетъ, что «исторія вовсе не есть однообразный механическій процессъ», что «капитализмъ былъ необходимымъ предшественникомъ социализма на Западѣ, гдѣ поземельная община разрушилась еще въ борьбѣ съ средне-вѣковымъ феодализмомъ»; что у насъ,— гдѣ «эта община составляетъ самую характерную черту въ отношеніяхъ нашего крестьянства къ землѣ»,—торжество социализма можетъ быть достигнуто совсѣмъ другимъ путемъ; коллективное владѣніе землею можетъ послужить исходнымъ пунктомъ для организациіи всѣхъ сторонъ экономической жизни народа на социалистическихъ началахъ.

«Поэтому,—заключаетъ авторъ,—главная задача наша заключается въ созданіи боевой народно-революціонной организациіи для осуществленія народно-революціоннаго переворота въ возможно болѣе близкомъ будущемъ».

Руководящая статья № 4 «Земли и Воли» была, очевидно, написана подъ императивнымъ впечатлѣніемъ тогдашняго рабочаго движенія въ Петербургѣ.

Работа среди фабричнаго и заводскаго населенія Петербурга, въ качествѣ пропагандиста и агитатора,—особенно во время стачечнаго движенія,—Плехановъ не могъ не прійти къ заключе-

*) Редакторомъ этого „Листка“ былъ тогда, если не ошибаюсь, Н. Морозовъ.

нію, что тотъ параграфъ нашей программы, который трактуеть о дѣятельности въ средѣ рабочихъ, страдаетъ большими тактическими дефектами. Бесѣду съ товарищами по этому поводу, онъ не разъ указывалъ имъ на настоятельную необходимость радикальнаго измѣненія этого параграфа. Агитація должна имѣть конкретный характеръ: она должна опираться на неотложныя, насущныя требованія рабочихъ, какъ массы рабочихъ, и стать исходнымъ пунктомъ цѣлесообразной организаціонной дѣятельности въ ихъ средѣ. Предложеніе Плеханова встрѣтило горячее сочувствіе среди товарищей, и Совѣтъ предложилъ ему въ этомъ смыслѣ изложить свои соображенія въ руководящей статьѣ на страницахъ нашего органа. Такъ появилась на свѣтъ вторая руководящая статья Плеханова въ № 4 «Земли и Воли», исключительно посвященная рабочему вопросу, т. е. городскому рабочему. Приводимъ изъ этой статьи наиболѣе характерныя и существенныя мѣста.

«Вопросъ о городскомъ рабочемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, можно сказать, самую жизнь самостоятельно выдвигаются на подобающее мѣсто вопреки апріорнымъ теоретическимъ рѣшеніямъ революціонныхъ дѣятелей. Въ прошломъ, не безъ нѣкотораго основанія, мы обращали всѣ свои надежды, употребляли всѣ свои усилія—на деревенскую массу. Городской рабочей занималъ второстепенное мѣсто въ разчетахъ революціонеровъ, ему посвящалась, можно сказать, только свёрхштатная часть силъ. Въ городѣ пропаганда велась между дѣломъ, въ минуты, когда деревня почему-либо была недоступна для пропагандиста, и велась при томъ исключительно съ цѣлью выработать изъ городского рабочаго пропагандиста для деревни же. Такое отношеніе къ дѣлу, естественно, исключало возможность какъ настойчивой, систематической пропаганды, такъ и, въ особенности, организаціи городскихъ рабочихъ, и въ настоящее время даетъ себя чувствовать очень плачевными результатами».

...«Справедливъ-ли этотъ взглядъ? Дѣйствительно ли городской рабочей остается безъ крупной роли въ будущемъ социальномъ переворотѣ? Намъ кажется, что это мнѣніе совершенно ошибочно. Наши крупные промышленные центры представляютъ намъ скопленія иногда даже сотенъ тысячъ рабочаго люда. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ—все это тѣ же крестьяне, что и въ деревнѣ. Фабрика для нихъ является только видомъ отхожаго промысла и, отвлекая ихъ отъ деревни, хотя бы на цѣлые годы, не уничтожаетъ, однако, ихъ деревенскихъ связей и симпатій. Вопросъ аграрный, вопросъ общинной самостоятельности, земля и воля, одинаково близки сердцу рабочаго, какъ и крестьянамъ. Словомъ, это не оторванная отъ крестьянства масса, а часть того же самаго крестьянства. Дѣло ихъ одно—одна у нихъ можетъ и должна быть борьба. А между тѣмъ въ городахъ собирается цвѣтъ деревенскаго населенія: болѣе молодые, болѣе предприимчивые по своему подбору, они, сверхъ того, устранены въ городѣ отъ вліянія болѣе консервативныхъ и боязливыхъ членовъ крестьянской семьи; они, наконецъ, болѣе видѣли и слышали, болѣе широко наблюдали всѣ общественныя отношенія.

Не представляя западно-европейской оторванности отъ земледѣльческаго класса, наши городскіе рабочіе одинаково съ западными составляютъ самый подвижной, наиболѣе удобовоспламеняющійся, наиболѣе способный къ революціонизированію слой населенія. Благодаря этому, они явятся драгоцѣнными союзниками крестьянъ въ моментъ соціального переворота. Тактическое же значеніе подобнаго союзника очевидно для cadaго. Какъ бы ни было единодушно возстаніе крестьянъ, оно, однако, рискуетъ быть подавленнымъ центральными силами государства, если только не будетъ поддержано возстаніемъ въ самомъ центрѣ, въ самомъ средоточіи правительственной власти. Городская революція должна и можетъ отвлечь силы правительства и дать крестьянскому возстанію время окрѣпнуть и развиться до степени непобѣдимости. Только при подобномъ условіи и мыслимъ успѣхъ соціального переворота. Разойдясь по селамъ и деревнямъ средней части Россіи, изъ которой пополняется главнымъ образомъ ихъ контингентъ, городскіе рабочіе сыграютъ роль «воровскихъ прелестниковъ», оказавшихъ столько услугъ разинскому и пугачевскому движенію, они подготовятъ почву для приближающейся лавины революціоннаго движенія,—это вторая, не менѣе важная служба, которую можетъ сослужить городъ въ общемъ ходѣ революціонныхъ событій въ Россіи.

Но для исполненія подобной миссіи нужна именно масса городскихъ рабочихъ, нужно революціонизированіе всей массы и организація, вліяющая на всю массу*). Осуществить какъ то, такъ и другое возможно лишь путемъ агитаціонной дѣятельности. Первое едва-ли требуетъ особыхъ поясненій. Конкретный умъ рабочаго плохо поддается на отвлеченныя логическія соображенія; для него гораздо понятнѣе пропаганда фактами, тѣмъ болѣе, что эта пропаганда фактами по необходимости должна стать на почву обиденныхъ и осязательныхъ для него интересовъ».

...«Эта агитаціонная дѣятельность можетъ вестись ежедневно и ежечасно на самыхъ мелкихъ даже фактахъ жизни рабочаго, но особенный смыслъ и значеніе приобрѣтаетъ она во время стачекъ». И дальше.

...«Организація русскаго рабочаго сословія, конечно, не можетъ брать себѣ за образецъ тѣхъ способовъ организацій, которые практикуются въ Западной Европѣ—то различіе обуславливается различіемъ политическихъ условій борьбы въ Россіи и на Западѣ. При массѣ опасностей, которымъ подвергается всякая тайная организація,—а революціонная организація и не можетъ быть другою у насъ,—при тѣхъ преслѣдованіяхъ, которыя грозятъ ея членамъ, выборъ личностей долженъ быть строгъ и осмотрителенъ».

Въ заключеніе своей статьи авторъ указываетъ на союзы англійскихъ рабочихъ до 1824 года, отличительной чертой которыхъ были «страшная тайна и величайшее насиліе въ средствахъ».

...«И ни одинъ мыслящій человекъ не упрекнетъ рабочую организацію,—заканчиваетъ Плехановъ свою статью,—за неразбор-

*) Курсивъ вездѣ автора статьи, Плеханова.

чивость въ средствахъ, когда она увидитъ себя вынужденною на насиліе отвѣчать насиліемъ, когда на терроръ правительства, закрѣпощающаго рабочаго фабриканту, карающаго, какъ уголовное преступленіе, всякую попытку рабочихъ къ улучшенію своего положенія, правительства, не останавливающагося предъ поголовною экзекуціей дѣтей, принимающихъ участіе въ стачкѣ,—когда на бѣлый терроръ такого правительства она отвѣтитъ, наконецъ, краснымъ.....*)

Такъ говорилъ нашъ центральный органъ еще въ началѣ рокового 1879 года. Смыслъ этихъ рѣчей ясенъ: мы, попрежнему, остаемся по духу вѣрными нашей революціонно-народнической программѣ. Она не только находитъ свое оправданіе въ нашемъ историческомъ прошломъ и въ реальныхъ условіяхъ современной намъ дѣйствительности, но ее санкціонируетъ также и верховный авторитетъ научнаго социализма. Законъ смѣны экономическихъ фазисовъ—законъ Маркса—при правильномъ его истолкованіи приводитъ, вопреки ходячему и некритическому мнѣнію, къ заключенію, что «покуда общество не нападало еще на слѣдъ этого закона, обусловленная этимъ послѣднимъ смѣна экономическихъ фазисовъ для него не обязательна».

.....«Поэтому, пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можемъ считать наше отечество ступившимъ на путь того закона, по которому капиталистическая продукція была бы необходимою станціею на пути его прогресса».

.....«Самъ принципъ общественнаго землевладѣнія не носить въ себѣ того неизгладимаго противорѣчія, какимъ страдаетъ, положимъ, индивидуализмъ, поэтому онъ не носитъ въ себѣ самомъ элементовъ своей гибели. Поэтому социалистическую агитацию въ Россіи мы не можемъ считать преждевременной. Напротивъ, мы думаемъ, что теперь она своевременнѣе, чѣмъ когда-либо, только ея исходныя точки и практическія задачи не тѣ, что на Западѣ».

.....«Задачи социально-революціонной партіи не могутъ быть тождественны въ двухъ обществахъ, экономическая исторія, современныя формы общественныхъ отношеній которыхъ представляютъ рѣзкую разницу. Если мы не хотимъ вернуться къ метафизическому социализму 30-хъ годовъ, мы должны признать, что максимумъ необходимомъ и возможныхъ социальныхъ реформъ опредѣляется формою землевладѣнія и техникою земледѣлія, если рѣчь идетъ о странѣ земледѣльческой,—формами и техникой промышленности, если говоримъ о странѣ, въ которой преобладаетъ обрабатывающая и добывающая промышленность».

Та же землевольская (народническая) точка зрѣнія переносится цѣликомъ и въ программу дѣятельности среди рабочихъ, со включеніемъ въ нее, въ эту дѣятельность, нѣкоторыхъ специальныхъ, вытекающихъ изъ социальныхъ особенностей рабочей среды, пріемовъ и методовъ борьбы.

При этомъ нельзя не отмѣтить по пути одной весьма характерной черты въ программѣ этой борьбы: это—терроръ, эконо-

*) Курсивъ нашъ. О. А.

мическій городской терроръ, впервые выдвинутый Плехановымъ, какъ возможный и неизбежный въ ближайшемъ будущемъ приемъ борьбы городского рабочаго за свою экономическую самостоятельность.

Понятно теперь, почему вышеупомянутый мною сюрпризъ, преподнесенный намъ редакціею «Листка Земли и Воли», такъ переполошилъ насъ всѣхъ, землевольцевъ и народниковъ. Я говорю о руководящей статьѣ №№-овъ 2 и 3 «Листка», въ которой истинѣ высказывалась черная ересь. Руководящая статья этихъ двухъ номеровъ посвящена факту покушенія на жизнь Дрентельна и помѣчена 14 марта, т.-е. появилась на другой день покушенія. Эта статья характерна во многихъ отношеніяхъ, но прежде всего рисуетъ наглядно настроеніе большинства землевольческой редакціи и нашего «центра». Прежній, спокойный, проникнутый благороднымъ величіемъ тонъ нашихъ прокламацій и публичныхъ объясненій по поводу политическихъ убійствъ (Смотри, напр., прокламацію Кравчинскаго «Смерть за смерть» по поводу убійства Мезенцева и прокламаціи Плеханова и Адриана Михайлова—по поводу оправданія В. И. Засуличъ) замѣненъ теперь крикливо-вызывающимъ, полнымъ всяческихъ заклинаній тономъ. Прочтите хоть слѣдующія, взятыя наугадъ строки:—«Политическое убійство—это осуществленіе революціи въ настоящемъ*). «Невѣдомая никому» подпольная сила вызываетъ на судъ высокопоставленныхъ преступниковъ, постановляетъ имъ смертныя приговоры—и сильные міра сего чувствуютъ, что почва теряется подъ ними, что они съ высоты своего могущества валятся въ какую-то мрачную невѣдомую пропасть». И дальше.

.....«Политическое убійство—это самое страшное оружіе для нашихъ враговъ, оружіе, противъ котораго не помогаютъ имъ ни грозныя арміи ни легіоны шпіоновъ. Вотъ почему враги боятся его.

Вотъ почему 3-4 удачныхъ политическихъ убійства заставили наше правительство вводить военные законы, увеличивать жандармскіе дивизионы, разставлять казаковъ по улицамъ, назначать урядниковъ по деревнямъ—однимъ словомъ, выкидывать такіе salto mortale самодержавія, къ какимъ не принудили его ни годы пропаганды, ни вѣка недовольства во всей Россіи, ни волненія молодежи, ни проклятія тысячъ жертвъ, замученныхъ имъ на каторгѣ и въ ссылкѣ..... Вотъ почему мы признаемъ политическое убійство за одно изъ главныхъ средствъ борьбы съ деспотизмомъ»**).

На насъ, «деревенчиковъ», эта статья произвела прямо-таки удручающее впечатлѣніе. Да не только на насъ. Я тогда сталъ завязывать сношенія съ молодежью, а черезъ Плеханова—и съ городскими рабочими. Я могу сказать, положила руку на сердце, что та именно часть молодежи и рабочихъ, которая въ то время была занята творческой, организаціонной дѣятельностью—«Землячество» и «Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ»—была положительно про-

*) Курсивъ мой. О. А.

**) Курсивъ вездѣ нашъ. О. А.

тивъ такихъ политическихъ экспериментовъ нашихъ товарищей—террористовъ. Дѣло въ томъ, что каждый такой дезорганизаторскій фактъ обыкновенно завершался отвѣтнымъ правительственнымъ разгромомъ большей или меньшей силы, со всѣми вытекающими изъ него для молодежи и рабочихъ роковыми послѣдствіями.

Мы послѣ такого разгрома все болѣе и болѣе теряли свои лучшія силы, и близился ужъ роковой день съ его отчаяннымъ крикомъ: «Варъ, отдай мои легіоны!»

Но все это были только цвѣточки, а ягодки ожидали насъ еще впереди. Наши товарищи-террористы готовились къ Пасхѣ 1879 года преподнести намъ «Христово яичко»—и готовились весьма политично. Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ Петербургъ въ то время прибыли Александръ Соловьевъ, Гольденбергъ и Кобылянский. Они завязывали конспиративныя сношенія съ нашими террористами—Зунделевичемъ, Александромъ Михайловымъ и Квятковскимъ. Совѣщанія ихъ касались весьма крупнаго вопроса—цареубійства, которое задумалъ совершить Александръ Соловьевъ. Онъ съ этою именно цѣлью и пріѣхалъ въ Питеръ. На совѣщаніи Соловьевъ отвоевалъ это право себѣ, какъ онъ объ этомъ и мечталъ. Дѣло, такимъ образомъ, было рѣшено, но Соловьеву хотѣлось заручиться санкціей общества «Земля и Воля» и онъ попросилъ нашихъ товарищей передать это дѣло на обсужденіе нашего Совѣта. Засѣданіе Совѣта было назначено на Великій четвергъ Страстной недѣли 1879 года. Привожу описаніе этого знаменательнаго засѣданія, какъ оно записано было мною еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ въ 1883-84 годахъ въ Якутской области.

«Засѣданіе имѣло быть весьма бурнымъ, и я опасался, чтобы оно не окончилось разрывомъ. Предметъ обсужденія—цареубійство. Администрація внесла это предложеніе въ Совѣтъ и желала выслушать его мнѣніе на этотъ счетъ. Мнѣнія, какъ и слѣдовало ожидать, рѣзко раздѣлились. «Деревенщина» была противъ, а администрація и другіе члены были за предложеніе. Я не припомню такого бурнаго засѣданія, какъ это. «Деревенщина» пересыпала свои возраженія массою сарказма и шпилекъ. Террористы держались очень сдержанно, хотя, очевидно, были сильно возбуждены. Я, конечно, былъ въ числѣ противниковъ цареубійства. Я, помнится, не вдавался ни въ какія теоретическія по этому поводу соображенія, а стоялъ лишь на практической почвѣ. Я доказывалъ, что тѣмъ способомъ, какимъ имѣется въ виду осуществить цареубійство, девяносто девять противъ одного говоритъ за полную неудачу попытки. Но покушеніе, тѣмъ не менѣе, окажетъ свое дѣйствіе: за нимъ послѣдуетъ военное положеніе, т. е. такое положеніе вещей, изъ котораго единственнымъ выходомъ можетъ быть вторичное, третичное—цѣлый рядъ покушеній на цареубійство, инициативу и исполненіе которыхъ должна будетъ ужъ обязательно взять на себя сама партія, на собственный страхъ и рискъ. А потому,—заклучилъ я,—не слѣдуетъ совсѣмъ начинать такое дѣло, исходъ котораго мало что сомнителенъ, но общаетъ еще массу замѣшательствъ.

Замѣчательно, что противъ второго моего положенія возражали сторонники царевубійства, тѣ, которымъ, какъ я теперь въ этомъ убѣжденъ, именно этого и хотѣлось; на самомъ дѣлѣ все уже было предусмотрѣно и рѣшено.

Обратились же они къ Совѣту главнымъ образомъ по настоянію Соловьева, которому сильно хотѣлось для дѣла своего заручиться санкціей землепольцевъ. Это, во-первыхъ. А, во-вторыхъ,— администрація и остальные наши террористы, очевидно, имѣли въ виду этимъ обращеніемъ основательнѣе позондировать «деревенщину» и окончательно убѣдиться въ томъ, насколько они могутъ разсчитывать на нее въ смыслѣ содѣйствія ихъ планамъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи цѣль администраціи была вполне достигнута. Въ Совѣтѣ ясно обозначались два полярно-противоположныя теченія, которыя если не привели тогда къ расколу общества, то, благодаря тому, что въ Совѣтѣ не было и трети всѣхъ членовъ общества. Относительно же предполагаемаго покушенія «деревенщина» (большинство Совѣта) потребовала, чтобы администрація передала Соловьеву несочувствіе его предпріятію.

Засѣданіе Совѣта окончилось постановленіемъ, чтобы, въ виду ожидаемой травли, большая часть нелегальныхъ землепольцевъ, за исключеніемъ администраціи и тѣхъ лицъ, присутствіе которыхъ безусловно необходимо въ Петербургѣ, оставила городъ. Такъ какъ оставить городъ долженъ былъ также и одинъ изъ редакторовъ «Земли и Воли» (то былъ Плехановъ. О. А.), то «деревенщина» возложила на меня обязанность отсутствовавшего редактора, причемъ строго-на-строго наказала мнѣ не пропускать ни одной строчки, въ которой оказался бы хоть малѣйшій намекъ на политику.

Такимъ образомъ, я не только попалъ въ редакторы, но и въ цензоры. Я согласился, во-первыхъ, потому, что мнѣ хотѣлось, чтобы скорѣй улеглись страсти, а, во-вторыхъ,—посмотрѣть, что изъ всего этого выйдетъ. Опытъ Соловьева, при тогдашнихъ условіяхъ, былъ во всякомъ разѣ не лишенъ интереса*).

*) Мое описаніе засѣданія этого Совѣта, написанное еще двадцать три года тому назадъ, почти тождественно съ такимъ же описаніемъ глубоководнаго и дорогого моего товарища по „Землѣ и Воли“, М. Р. Попова, въ журналѣ „Былое“ № 8, 1906 г. Однако, я долженъ внести небольшую поправку. Михаилъ Родіоновичъ въ пылу спора сказалъ почти буквально вотъ что: „Господа, если среди насъ возможны Каракозовы, то поручитесь ли вы, что завтра изъ нашей же среды не явится такой, который во-время предупредить намѣченную жертву, чтобы такимъ образомъ избавить ее отъ рокового несчастья?“ Съ Комисаровымъ, о которомъ въ названной статьѣ говоритъ Михаилъ Родіоновичъ, ничего сходнаго нѣтъ. Это, во-первыхъ. А, во-вторыхъ, — напросно М. Р. Поповъ подчеркиваетъ, что о „раздѣлѣ и рѣчи въ то время не заходило“. Въ моихъ „воспоминаніяхъ“ я объ этомъ и самъ ничего не говорю, я лишь отмѣтилъ: „я опасался, чтобы оно (засѣданіе) не кончилось разрывомъ“. Не спорю, „конфликты чаще случались между редакторами „Земли и Воли“, но конфликтъ конфликту рознь. На этомъ совѣщаніи подымался впервые вопросъ кардинальной—не только тактической, но и принципиальной—важности, и въ своихъ возраженіяхъ я и указывалъ на то, что мы легко можемъ совѣмъ сойти съ рельсовъ.

М. Р. Поповъ въ своей передачѣ слишкомъ смягчаетъ возникавшія уже тогда между нами коренныя разногласія. А между тѣмъ это историческое засѣданіе было чревато важными и роковыми для насъ послѣд-

разъѣхались. Я за это время,—замѣчу въ скобкахъ,—ближе сошелся съ тѣми изъ нашихъ товарищей, которыхъ раньше мало зналъ, а въ томъ числѣ съ Тихомировымъ, который тогда каждый почти день бывалъ у меня на Гончарной. Наши бесѣды были продолжительны и не только касались текущихъ вопросовъ, но и многихъ жгучихъ проблемъ теоріи. Онъ очень критически относился къ извѣстному труду Костомарова «Сѣверно-русскія народоправства» и горячо доказывалъ, что мы совершенно напрасно увлекаемся этимъ прославленнымъ «федеративнымъ» строемъ. Въ этомъ-де стрѣе ничего жизненнаго, творческаго не было: дѣла вершали больше «худые мужики», нерѣдко «голытьба»,—элементъ совершенно противогосударственный и противообщественный. Тихомировъ болѣе чѣмъ скептически относился къ нашей работѣ въ деревнѣ. Я любилъ эти бесѣды и съ каждымъ днемъ я все болѣе—скажу прямо—привязывался къ Тихомирову или, какъ мы тогда его называли, къ «Тигричу». Онъ меня покорилъ своей, казалось мнѣ, глубокой цѣльной преданностью революціонному дѣлу. Онъ,—казалось мнѣ,—жилъ только для революціи: туда ушли всѣ его помыслы, желанія и воля.

Тихомировъ, помнится, тогда уже сталъ требовать, чтобы я остался въ Петербургѣ и пристроился, между прочимъ, къ редакціи.

Выстрѣлъ Соловьева раздался 2-го апрѣля 1879 года.

Правительство, какъ можно было ожидать, отвѣтило на него цѣлымъ рядомъ драконовскихъ законовъ.

Введено было военное положеніе въ Петербургской, Московской, Харьковской, Кіевской и другихъ губерніяхъ, а равно въ Одессѣ и Ростовѣ на Дону. А обычный правительственный механизмъ—III-е отдѣленіе—дѣлалъ свое дѣло. Массовые аресты, ссылки и разгромы достигли крайней своей степени. Государь въ своемъ отвѣтѣ петербургскій думѣ сказалъ:—„Благодарю васъ, господа, за чувства, выраженныя за васъ вашимъ головою. Я въ нихъ никогда не сомнѣвался. Обращаюсь къ вамъ, господа: многіе изъ васъ домовладѣльцы. Нужно, чтобы домовладѣльцы смотрѣли за своими дворниками и жильцами. Вы обязаны помогать полиціи и не держать подозрительныхъ лицъ. Нельзя относиться къ этому спустя рукава. Посмотрите, что у насъ дѣлается. Скоро честному человѣку нельзя будетъ показаться на улицѣ. Посмотрите, сколько убійствъ. Хорошо меня богъ спасъ. Но бѣднаго Мезенцева они отправили на тотъ свѣтъ. Въ Дрентельна тоже стрѣляли. Такъ я надѣюсь на васъ. Ваша помощь нужна. Это ваша обязанность».

День 2-го апрѣля врѣзался глубоко въ моей памяти, и я разскажу, что представлялъ собою Петербургъ въ этотъ день.

Въ этотъ день я и Мощенко находились на Невскомъ. Мы видѣли, какъ Александръ II вернулся изъ Казанскаго собора. Царь сидѣлъ въ своей коляскѣ, закутанный въ своей шинели. Во время его проѣзда раздалось жиденькое «ура»—и замерло. Я съ Мощен-
ствіями. Оно было для насъ тѣмъ, что паталогіи называютъ *signum maligne*,—зловѣщимъ признакомъ надвигающагося на насъ полнаго крушенія.

ко весь этотъ день до поздней ночи ходили по Петербургу, побывали во многихъ трактирахъ, ресторанахъ и—о, чудо!—нигдѣ ни слова о покушеніи на царя.

Наученный горькимъ опытомъ, Петербургъ просто замолчалъ это крупное событіе. Не молчалъ только Дрентельнъ: онъ за это время вполнѣ развернулся. Третье отдѣленіе заработало. За одну Святую недѣлю произведено сотни арестовъ и высылочъ изъ столицы. Нѣкоторыя организациі страшно разгромлены. «Сѣверно-русской рабочей Союзъ», едва только ставшій на ноги, разбитъ; наша рабочая конспиративная квартира захвачена, хозяинъ ея арестованъ, хозяйка, Якимова («Баско» тожъ), едва спаслась. Я самъ чуть ли не чудомъ спасся: ужъ подходилъ было къ квартирѣ, какъ на лету схваченный мною подозрительный взглядъ дворника обратилъ меня вспять. Такъ я и двухъ мѣсяцевъ не поработалъ съ рабочими. Сильно также пострадали и студенческія организациі—«Землячества». Вообще Петербургъ имѣлъ какой-то растерянный видъ. Но мои товарищи-террористы высоко держали голову. Въ № 5 «Земли и Воли»—онъ же былъ и послѣднимъ—въ статьѣ «Отголоски 2-го апрѣля» о покушеніи на жизнь царя говорится уже въ такомъ тонѣ, который не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что партія (въ статьѣ говорилось отъ имени партіи) отнынѣ выступитъ рѣшительно на борьбу съ правительствомъ.—«Правительство,—говорится въ этой статьѣ,—объявляетъ себя въ опасности, объявляетъ открытую войну уже не однимъ революціонерамъ, а всей Россіи. Пусть будетъ такъ. Мы не знаемъ пока, хватить ли у правительства силъ для этого, чтобы сдѣлать изъ этого военного положенія не смѣшной фарсъ, а нѣчто дѣйствительно ужасное. Но это все равно.

Будутъ ли растрѣяны десятки или сотни, будутъ ли высланы тысячи или десятки тысячъ—не спасти себя правительству подобными мѣрами. Беззаконіе, безправіе, деспотизмъ, насиліе, попираніе личности и всей страны—губили правительство до сихъ поръ: они создали у насъ революціонную партію, они дали ей рѣшимость биться на смерть съ правительствомъ, они доставили партіи сочувствіе всѣхъ порядочныхъ людей. Доводя свои основные принципы до самаго безразсуднаго абсурда, правительство даетъ революціонной партіи только новыя средства.

Мы знаемъ—много отдѣльныхъ личностей изъ нашей среды погибнетъ, но гибель единицъ не страшна для партіи, когда весь ходъ исторіи ведетъ къ революціи, когда само правительство беретъ на себя трудъ уяснить Россіи до очевидности, что такое наше современное государство. Мы принимаемъ брошенную намъ перчатку, мы не боимся борьбы, и въ концѣ концовъ взорвемъ правительство, сколько бы ни погибло съ нашей стороны*).

Вотъ какимъ языкомъ заговорилъ нашъ центральный органъ по поводу событія 2 апрѣля! Надо быть глухимъ, чтобы не слышать въ этомъ тонѣ рѣзкихъ политическихъ нотъ! Я указалъ на это редакціи. Мнѣ спокойно возразили, что я читаю между

*) Курсивъ нашъ. О. А.

строкъ, и обратили мое вниманіе на передовую статью Этого же номера, которая говорила о дѣятельности въ крестьянствѣ. Это—такъ. Но получилось что-то совершенно недопустимое: въ «передовицѣ» говорится одно, а въ «хроникѣ»—другое, совершенно противоположное; передовица защищаетъ «деревенщину», хотя, какъ увидимъ ниже, въ специальной формѣ, хроника же выдвигаетъ на первый планъ политику, личную или групповую борьбу, революцію сверху («и въ концѣ концовъ взорвемъ правительство»). Передовая статья, о которой сейчасъ рѣчь идетъ, любопытна во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего появленіе ея было внѣ очереди. Дѣло вотъ въ чемъ. Насколько припоминаю, на одномъ изъ редакціонныхъ совѣщаній было рѣшено продолжать дальнѣйшее теоретическое развитіе нашей программы, со всѣми необходимыми дополненіями, уже внесенными въ нее практикой. Статью долженъ былъ написать Плехановъ. Статья должна была быть посвящена расколу, его историческому значенію и той роли, которую ему предстоитъ сыграть въ ближайшемъ революціонномъ будущемъ русскаго народа. Разумѣется, расколъ долженъ разсматриваться съ строго народнической точки зрѣнія, черезъ призму знатока и авторитета по расколу, покойнаго А. П. Щапова. Плехановъ написалъ эту статью для № 5 «Земли и Воли» и представилъ ее въ редакцію. Она была одобрена.

Къ слову скажу, особенно сочувственно къ ней отнесся нашъ «Дворникъ»—Михайловъ. Но потомъ, послѣ отъѣзда уже Плеханова, было рѣшено, что Тихоміровъ напишетъ, вмѣсто статьи Плеханова, другую. Въ статьѣ Плеханова, очевидно, было слишкомъ много народничества.

Такъ и появилась въ № 5 «Земли и Воли» вышеупомянутая мною статья Тихомірова. Статья эта, проповѣдывавшая о дѣятельности въ крестьянствѣ, говорила главнымъ образомъ объ аграрномъ террорѣ. Такимъ образомъ, аграрный терроръ явился тѣмъ необходимымъ звеномъ, при помощи котораго замкнулась цѣпь нашей революціонно-народнической тактики: терроръ въ городѣ, терроръ и въ деревнѣ.

Такъ террористическое настроеніе овладѣло всецѣло редакціей «Земли и Воли» и другими землевольцами, потому-то и статья Плеханова не оказалась ко двору.

«Еще одно послѣднее сказанье»—и конецъ моимъ воспоминаніямъ. Наступалъ конецъ апрѣля. Оставаться въ Петербургѣ было тяжело. Повсюду заработали военные суды: казни, казни и опять казни! 20 апрѣля повѣшенъ за вооруженное сопротивленіе подпоручикъ Владимиръ Дубровинъ; 14 мая въ Кіевѣ устраивается на «законномъ основаніи» бойня: повѣшены Валеріанъ Осинскій, Брантнеръ и Антоновъ (Сидоренко); 28 мая въ Петербургѣ казненъ покушавшійся на цареубійство Соловьевъ; 18 іюля казнены въ Кіевѣ Федоровъ (Гобстъ) и Бильчанскій; 10 августа въ Одессѣ казнены Лизогубъ, Чубаровъ и Давиденко; въ Николаевѣ того же числа—Виттенбергъ и Логовенко.

Таковъ революціонный мартирологъ за лѣто 1879 года.

«Вихрь злобы и бѣшенства носится надъ тобою, страна беззвѣтная!» Страна молчала. Только двѣ враждебныя силы выступили другъ противъ друга, борясь на жизнь и на смерть,—правительство и революціонная интиллигенція.

И чѣмъ энергичнѣе работаетъ царскій палачъ, тѣмъ упорнѣе и ожесточеннѣе становятся нападенія революціонеровъ. Все поставлено на карту. Всѣ помыслы сосредоточены на одномъ, вся революціонная страсть и воля направлены теперь на одно лицо, какъ на фокусъ, куда должны собраться всѣ революціонныя силы террора. Этотъ фокусъ—глава государства. Въ № 4 «Листка Земли и Воли» редакція, говоря отъ имени партіи, прямо заявляетъ:

«Да, пока живемъ при современныхъ условіяхъ—царь не можетъ быть неотвѣтственнымъ за все, что дѣлается въ Россіи, и немудрено, если въ народѣ являются мужественные и самоотверженные люди, рѣшающіеся цѣною своей гибели протестовать противъ того, кто олицетворяетъ собою реакцію и задушеніе всякой свободной и честной дѣятельности». И жребій брошенъ.

Террористическая дѣятельность становится отнынѣ верховнымъ принципомъ революціонной тактики вообще, а царубійство—лозунгомъ. Все это пока не обосновывается теоретически, не возводится, какъ теперь говорятъ, въ идеологію, но практически система борьбы уже восторжествовала: терроръ задаетъ всему тонъ. Въ теоріи всѣ террористы—еще народники, а на практикѣ расчленіе уже выступило очень выпукло. Да и въ центральномъ органѣ «Земля и Воля», какъ мы уже видѣли, противорѣчія между теоріей и практикой давали себя уже живо чувствовать. Начался разбродъ мнѣній и силъ.

Между тѣмъ время настало до того горячее, что въ такой моментъ итти врозь казалось совершенно безуміемъ. Мысль о томъ что необходимо спѣться, сговориться, все болѣе и болѣе овладѣвала землевольцами. И яркимъ выразителемъ этой назрѣвшей потребности явился М. Р. Поповъ. Онъ писался съ «центромъ» и одновременно предпринялъ окружное путешествіе по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ «жили-были» землевольцы.

Въ пользу съѣзда высказались всѣ землевольцы.

Въ Тамбовѣ уже собрались многіе, особенно тѣ, которые жили въ этой губерніи. Тамъ уже въ то время—въ началѣ іюля—находился самъ М. Р. Поповъ, «Титычъ», Мощенко, В. Н. Фигнеръ, «Егорычъ» («Юла» тожъ), Юрій Богдановичъ и пишущій эти строки. Съѣздъ былъ первоначально намѣченъ здѣсь, въ Тамбовѣ, но по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, о которыхъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ «Быломъ» говоритъ М. Р. Поповъ, его (съѣздъ) пришлось перенести въ Воронежъ, куда должны были собраться всѣ къ 20 іюля, если не ошибаюсь.

Землевольцы отали съѣзжаться понемногу.

Въ виду громаднаго значенія конгресса собравшіеся раньше землевольцы рѣшили устроить нѣсколько предварительныхъ частныхъ совѣщаній. Это была благоразумная мѣра. Необходимо было прежде всего спѣться въ главномъ, чтобы облегчить, такимъ образомъ, работы конгресса. Такихъ частныхъ совѣщаній было 5 или 6.

На этихъ засѣданіяхъ были отмѣчены и поставлены тѣ вопросы, которые подлежали обсужденію и окончательному рѣшенію конгресса. Съ особенной тщательностью разсматривался и обсуждался, пунктъ за пунктомъ, главный предметъ обсуждения— программа. Намѣчены необходимыя измѣненія и дополненія. Въ связи съ программой былъ, конечно, жгучій вопросъ того времени— терроръ вообще и царевубійство въ частности. Несмотря на жаръ, съ которымъ обсуждался этотъ вопросъ на предварительныхъ совѣщаніяхъ, общее настроеніе было таково, что можно было навѣрное рассчитывать, если не на полное, то во всякомъ разѣ на такое соглашеніе, которое было бы вполне достаточно для сохраненія цѣлости Общества. Наконецъ, всѣ члены собрались, и конгрессъ открылъ свои засѣданія.

На конгрессѣ участвовали слѣдующіе землевольцы:

Александръ Михайловъ, Александръ Квятковскій, Плехановъ, Тихомировъ, Морозовъ, В. Н. Фигнеръ, С. Перовская, М. Ошанина, «Титычъ», М. Р. Поповъ, «Сергѣй Андреевъ», «Егорычъ», «Ко—кевичъ», М. Фроленко и пишущій эти строки.

Нѣкоторые изъ товарищей, не дождавшись съѣзда, разѣхались въ свои деревни (Мощенко и Хотинскій), другіе же, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не успѣли прибыть (Преображенскій и Прѣсняковъ).

Во время засѣданій конгресса были вновь приняты въ общество «Земля и Воля» слѣдующія лица: Желябовъ, Ширяевъ, Колоткевичъ и Сергѣева.

Всѣхъ засѣданій конгресса было 8—10, по два засѣданія въ день. Засѣданія происходили на открытомъ воздухѣ, то въ одномъ изъ самыхъ уединенныхъ и живописныхъ уголковъ Ботаническаго сада, то въ архіерейской рошѣ, то на лодкахъ на рѣкѣ Воронежѣ. Чаще всего, если не ошибаюсь, мы собирались въ Ботаническомъ саду.

Недалеко отъ лужайки въ Ботаническомъ саду, на которой мы засѣдали, расположены были нѣсколько столѣтнихъ дубовъ, укрывавшихъ насъ отъ посторонняго взгляда. Александръ Квятковскій вырѣзалъ на одномъ изъ гигантовъ-дубовъ слѣдующія слова: «здѣсь засѣдалъ конгрессъ землевольцевъ», далѣе слѣдуютъ: мѣсяцъ, число и годъ. Этотъ дубъ, вѣроятно, и теперь находится тамъ, какъ нѣмой свидѣтель одного изъ самыхъ драматическихъ моментовъ въ жизни землевольцевъ. На этой исторической полянѣ много было передумано гордыхъ думъ, много пережито и выстрадано....

На этой именно полянѣ Морозовъ, если не ошибаюсь, прочелъ полученное нами изъ Кіева письмо-завѣщаніе нашего милаго, дорогого Валеріана Осинскаго.

Привожу это письмо въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось въ «Листкѣ Земли и Воли» (№ 6), съ кое-какими личнаго свойства выпусками.

«Дорогіе друзья и товарищи!

Послѣдній разъ въ жизни приходится писать вамъ, и прежде всего самымъ душевнымъ образомъ обнимаю васъ и прошу не поминать меня лихомъ.

Мнѣ же лично приходится уносить въ могилу лишь самую дорогія воспоминанія о васъ.

....Мы ничуть не жалѣемъ о томъ, что приходится умирать, вѣдь мы же умираемъ за идею, и если желѣемъ, то единственно о томъ, что пришлось погибнуть почти только*) для позора умирающаго монархизма, а не ради чего-либо лучшаго, и что предъ смертью не сдѣлали того, чего хотѣли. Желаю вамъ, дорогіе, умереть производительнѣе насъ. Это единственное, самое лучшее пожеланіе, которое мы можемъ вамъ сдѣлать. Да еще: не тратьте даромъ вашей дорогой крови! и то все берутъ и берутъ....

....Мы не сомнѣваемся въ томъ, что ваша дѣятельность теперь будетъ направлена въ одну сторону. Если бы даже вы и не написали объ этомъ, то мы и сами могли бы это вывести. Ни за что болѣе, по нашему, партія физически не можетъ взяться. Но для того, чтобы серьезно повести дѣло террора, вамъ необходимы люди и средства.

Больше, кажется, нечего писать о дѣлахъ. Такъ и рвешься броситься въ теорію—да руки коротки.....и торопишься, и все такое прочее. Дай же вамъ богъ, братья, всякаго успѣха! Это единственное наше желаніе предъ смертью! А что вы умрете и, быть можетъ, очень скоро, и умрете съ меньшей беззавѣтностью, чѣмъ мы—въ этомъ мы ничуть не сомнѣваемся. Наше дѣло не можетъ никогда погибнуть—эта-то увѣренность и заставляетъ насъ съ такимъ презрѣніемъ относиться къ вопросу о смерти. Лишь бы жили вы, а если ужъ придется вамъ умирать, то умерли производительнѣе насъ. Прощайте и прощайте!....

Поцѣлуйте отъ меня всѣхъ моихъ товарищей и знакомыхъ, здѣшнихъ и заграничныхъ, кто только не забылъ меня.

Многіе имѣли противъ меня (хотя въ большинствѣ въ силу недоразумѣнія) кое-что; пусть хоть позабудутъ старые счеты. Я же ни къ кому не уношу въ могилу вражды.

Ты просиль, В., нашихъ біографій. Зачѣмъ, братъ!

Если понадобится, то ихъ могутъ и безъ насъ составить.

А вообще пусть забываютъ насъ, лишь бы самое дѣло не заглохло. Прощайте же, друзья-товарищи дорогіе не поминайте лихомъ. Крѣпко, крѣпко отъ всей души обнимаю васъ и жму до боли ваши руки въ послѣдній разъ....

14 апрѣля 1879 г.

Вашъ Валеріанъ.

Мою сестренку сейчасъ по выходѣ ея изъ тюрьмы со свиданія арестовали и выслали».

Одновременно съ этимъ мы получили роковое извѣстіе изъ Одессы: надъ другимъ нашимъ дорогимъ товарищемъ, Дмитріемъ Лизогубомъ, тоже уже нависла рука палача. Все это внесло въ настроеніе многихъ членовъ съѣзда то чувство глубокой скорби, гнѣва и ненависти, которое хорошо знаетъ тотъ, кто хоть разъ испыталъ гибель дорогихъ товарищей... И я глубоко убѣжденъ въ томъ, что это именно чувство сыграло не послѣднюю роль въ окончательныхъ рѣшеніяхъ вопросовъ о террорѣ. О чемъ сейчасъ.

*) Курсивъ Осинскаго вездѣ.

Прежде, чѣмъ открыть конгрессъ, приступили къ выбору президента, который руководилъ бы преніями и формулировалъ постановленія конгресса.

Единогласно избранъ «деревенщикъ» «Титычъ».

Первымъ очереднымъ вопросомъ была, само собою, программа, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Основныя положенія землевольской программы остались неизмѣнными. Центр тяжести революціонной дѣятельности долженъ, по-прежнему, обязательно лежать въ народѣ (въ деревнѣ). Экономическая революція—цѣль этой дѣятельности. Въ пунктѣ, трактующемъ объ агитации въ деревнѣ, сдѣлано весьма важное, въ практическомъ смыслѣ, дополненіе: признается необходимымъ и своевременнымъ организовать въ деревнѣ систему террора, подобную ирландскому раббонизму. Пунктъ этотъ характеренъ въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ,—онъ рисуетъ общее настроеніе того времени: террористическая окраска составляетъ основной тонъ его, такъ что даже «деревенщина» и та не могла освободиться отъ этого. А, во-вторыхъ,—онъ ясно указываетъ, какіе успѣхи «деревенщина» сдѣлала въ смыслѣ изученія и ознакомленія съ условіями деревенской революціонной дѣятельности.

Мы думали тогда, что аграрному террору, какъ особой формѣ агитации, съ цѣлью революціонной организациі въ деревнѣ, принадлежитъ въ ближайшемъ будущемъ блестящая роль. Современныя экономическія условія,—разсуждали мы,—все болѣе и болѣе усложняющіяся, будутъ императивно гнать народъ на этотъ путь. И плоха будетъ, — полагали мы тогда, — та революціонная партія, которая не сумѣетъ воспользоваться уже готовыми, самимъ народомъ созданными фактами. Заслуга «деревенщины» состояла именно въ томъ, что она предвидѣла возможность зарожденія аграрнаго террора, а потому она и требовала, чтобы починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ ей, революціонной интеллигенціи. Пунктъ этотъ былъ принятъ единогласно, и даже сторонники политическаго («городскаго») террора весьма сочувственно отнеслись къ постановленію конгресса—предоставить въ распоряженіе «деревенщины» необходимыя средства и людей, способныхъ и готовыхъ заняться этимъ дѣломъ въ деревнѣ.

Второе предложеніе, стоявшее на очереди, былъ политическій терроръ—это яблоко раздора между землевольцами. Предложеніе это дебатировалось такъ страстно и бурно, что президенту съ большимъ трудомъ удалось водворить порядокъ въ преніяхъ и формулировать въ окончательномъ видѣ преобладающее мнѣніе конгресса на этотъ счетъ.

Особенно рѣзкимъ, энергичнымъ и непримиримо-последовательнымъ противникомъ террора или дезорганизаціи, какъ тогда еще выражались, былъ Плехановъ.

— Чего добиваетесь вы,—обратился онъ прямо съ вопросомъ къ террористамъ,—на что вы рассчитываете?

— Мы получимъ конституцію, — неожиданно въ пылу спора выпалилъ Михайловъ,—мы дезорганизуемъ правительство и принудимъ его къ этому!

Произошло полное замѣшательство. Плехановъ горячо возражалъ, что дезорганизацiонская дѣятельность наша только приведетъ къ усилению правительственной организацiи, что въ окончательномъ результатѣ борьба побѣда окажется на сторонѣ правительства, что единственная переменна, которую можно съ достовѣрностью предвидѣть, это—вставка трехъ палочекъ, вмѣсто двухъ, при имени «Александръ»; что, дальше, стремиться народнику-революционеру къ конституцiи почти равносильно измѣнѣ народному дѣлу. Желябовъ поставилъ вопросъ ребромъ и рѣшилъ его прямо безъ обиняковъ: надо-де совсѣмъ отказаться отъ классової борьбы, выдвигая въ этой борьбѣ на первый планъ политическiй ея элементъ. Тихомiровъ старался всячески смягчить, сгладить эти рѣзко столкнувшiяся противорѣчiя и разногласiя. Въ концѣ-концовъ соглашенiе все-таки было достигнуто и я думаю, что буду близокъ къ истинѣ, если я выражу окончательное на этотъ счетъ постановленiе конгресса въ такой формѣ: политическiй терроръ, какъ форма борьбы, признается лишь какъ крайняя и исключительная мѣра для данныхъ спеціальныхъ случаевъ.

Третье предложенiе, подлежавшее обсужденiю, касалось Лиги цареубiйства*).

Петербургская секцiя «Исполнительнаго Комитета» (бывшая дезорганизацiонская группа) констатировала на конгрессѣ фактъ организацiи Лиги съ цѣлью цареубiйства. Такъ какъ Лига была тѣсно связана съ «Исполнительнымъ Комитетомъ», а черезъ него съ обществомъ «Земля и Воля», то естественно конгрессъ обязательно долженъ былъ рѣшить, въ какiя отношенiя стать ему къ Лигѣ: оказать ли ей поддержку, матеріальную и нравственную, или же, наоборотъ, разорвать всякiя съ нею связи и, такимъ образомъ, снять съ себя отвѣтственность за ея предполагаемое цареубiйство? Вопросъ въ окончательномъ счетѣ сводился, стало быть, къ цареубiйству: сочувствовать ли ему или нѣтъ? Террористы, оставаясь вѣрными себѣ, высказались въ пользу цареубiйства вообще и даннаго—въ особенности. «Деревенщина» же, отрицая политическiй терроръ вообще, отвергла, само собою, цареубiйство, какъ орудiе борьбы. Но по отношенiю къ данному случаю въ средѣ «деревенщины» произошло раздвоенiе. Одни (слабое большинство) отнесли данный случай къ спеціальнымъ и исключительнымъ, которые ужъ рѣшены конгрессомъ въ утвердительномъ смыслѣ: стало быть, обязательно всячески содѣйствовать планамъ и намѣренiямъ Лиги. Мотивы, которые они привели въ пользу своего мнѣнiя, были приблизительно таковы. Военное положенiе создало у насъ такое положенiе вещей, противъ котораго долженъ бороться всякiй свободный человекъ. Отвѣтственность, поэтому, падаетъ цѣликомъ на главнаго и единственнаго виновника этого. Это—во-первыхъ. А, во вторыхъ,—благодаря военному положенiю, немыслимо теперь рассчитывать на организацiю аграрнаго террора. Аграр-

*) Подъ „Лигою цареубiйць“ я для наглядности разумѣю ту группу террористовъ, въ которую, ради цѣли цареубiйства, вошли „Исполнительный Комитетъ“ общества „Земля и Воля“ и другiе террористы-цареубiйцы. 15. XI. 1906 г.

ный терроръ требуетъ предварительной работы, которая можетъ затянуться на неопредѣленное время, а этимъ временемъ правительство успѣетъ не разъ разбить насъ на-голову. Весь предшествующій нашъ опытъ прекрасно иллюстрируетъ это. А потому,—въ-третьихъ,—принимая во вниманіе все вышесказанное, цѣлесообразно теперь же прибѣгнуть къ такому поводу агитаціи въ деревнѣ, который скорѣе и вѣрнѣе вызвалъ бы эту послѣднюю, чѣмъ, напримѣръ, аграрный терроръ. Цареубійство же, по огромному его значенію, можетъ сыграть такую роль. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ сравнить убійство главы государства съ убійствомъ, напримѣръ, какого-нибудь ничтожнаго кулака-міроѣда? Это была, конечно, черная ересь, которая глубоко возмутила правовѣрное меньшинство «деревенщины». Начались безконечные споры и препирательства. Президентъ вынужденъ былъ объявить пренія по этому вопросу оконченными, и предложеніе передано было на голосованіе.

Большинствомъ голосовъ рѣшено: оказать Лигѣ содѣйствіе и деньгами и людьми. Террористы торжествовали.

Покончивши съ программой во всѣхъ ея частяхъ, приступили къ обсужденію вопроса объ органѣ. Постановили, чтобы «Земля и Воля» сохранила то направленіе, которое выражено въ исправленной и дополненной на конгрессѣ программѣ. Тогда Плехановъ попросилъ слова. Онъ началъ съ того, что прочелъ вслухъ нѣкоторыя мѣста изъ вышеупомянутой уже нами статьи «Листка Земли и Воли» по поводу покушенія на жизнь Дрентельна, а именно тѣ мѣста, которыя наиболѣе ярко рисуютъ возведенное уже въ систему террористическое направленіе органа,—и, окончивъ чтеніе, обратился ко всѣмъ членамъ конгресса съ вопросомъ,—считаютъ ли они, товарищи, что редація имѣетъ право и впредь высказываться въ такомъ духѣ? Снова началась сказка о бѣломъ бычкѣ, снова завязался горячій споръ, произошла схватка между Плехановымъ и остальными членами редакціи, съ одной стороны, и террористами и «деревенщиной»—съ другой. Спору не предвидѣлось конца. Президентъ поставилъ вопросъ на голосованіе. Слабымъ большинствомъ голосовъ было рѣшено, что, принимая во вниманіе особенности даннаго момента, редація это право имѣетъ.

Результаты голосованія привели въ ярость Плеханова. Точно ужаленный вскочилъ онъ съ мѣста и разразился страстной, ѣдкой филиппикой противъ конгресса. Разъ конгрессъ того мнѣнія,—говорилъ Плехановъ,—что «политическое убійство—это осуществленіе революцій въ настоящемъ»), то это значитъ, что обществу «Земля и Воля», какъ носительница и выразительница революціонно-народническихъ идей, перестаетъ существовать, и это надо сказать прямо, открыто надо заявить объ этомъ. А такъ какъ онъ, Плехановъ, продолжаетъ стоять на старой народнической точкѣ зрѣнія, то онъ не считаетъ возможнымъ оставаться въ организаціи. И онъ оставилъ конгрессъ.

На другой день, во время засѣданія конгресса, Плехановъ прислалъ собранію протестъ, составленный спокойно, сжато и вырази-

*) Изъ статьи по поводу покушенія на жизнь Дрентельна.

тельно. Плехановъ, помнится, рекомендовалъ, между прочимъ, вниманію конгресса любопытную исторію революціоннаго движенія въ Австріи въ 40-хъ годахъ. Особенно подчеркиваетъ онъ то содѣйствіе, которое оказывали галиційскіе крестьяне австрійскому правительству въ подавленіи революціонныхъ стремленій. Протестъ, само собою, остался безъ дѣйствія. Работа конгресса продолжалась своимъ чередомъ. Дѣло теперь стало за редакціей органа.

Въ редакціи остались два прежнихъ редактора,—оба террористы: Н. Морозовъ и Л. Тихомировъ. Нужень, по меньшей мѣрѣ, еще одинъ. «Деревенщина» естественно хотѣла, чтобы въ редакцію попалъ ея сторонникъ. Кто-то,—кажется, Тихомировъ,—предложилъ меня. Редакція сочувственно отнеслась къ этому предложенію и настаивала на моемъ назначеніи. Я наотрѣзь отказался. Вмѣсто меня былъ выбранъ другой, Преображенскій, прямолинейный народникъ.

И дѣло уладилось. «Деревенщина» была также сильно озабочена тѣмъ, чтобы въ администраціи усилить элементъ чисто-народнической. Прежняя администрація, какъ я уже упомянулъ, тянула сторону террористовъ. Выборъ палъ на президента конгресса, «Титыча». «Деревенщина» осталась очень довольна этимъ выборомъ. Работа конгресса близилась къ концу. Просмотрѣли уставъ и провѣрили кассу. Рѣшено было, чтобы не больше $\frac{1}{3}$ имѣющихся суммъ тратилось на террористическую дѣятельность. Остальные же $\frac{2}{3}$ предназначаются исключительно для деревенской дѣятельности. Террористы слабо возражали противъ этого. Они хорошо знали, что никакихъ дѣлъ въ деревнѣ не предвидится, что людей для этого нѣтъ, а, стало быть, все это останется мертвой буквой, деньги же, по прежнему, можно будетъ тратить на терроръ. И они не ошиблись. Чтобы покончить съ конгрессомъ, я долженъ сказать, что на одномъ изъ первыхъ еще его засѣданій было предложено и принято обѣими сторонами—террористами и народниками—много новыхъ лицъ въ общество.

Въ такомъ реорганизованномъ видѣ общество «Земля и Воля» представляло собою довольно солидную революціонную силу. Все, что было лучшаго въ революціонной средѣ, независимо отъ окраски, примкнуло къ Обществу.

Желаніе дѣйствовать сообща было преобладающимъ. Ни террористы, ни народники не хотѣли разбрестись врозь въ эту тяжелую годину существованія революціонной партіи. Это—во первыхъ. А, во вторыхъ,—какъ ни велико было разногласіе во мнѣніяхъ террористовъ и народниковъ, но старыя товарищескія симпатіи, традиціи недавняго прошлаго, съ его жертвами и побѣдами, радостями и печалями, тѣни, наконецъ, погибшихъ товарищей,—все это,—на время, по крайней мѣрѣ,—одержало верхъ, и ослабѣвшія были узы Общества, казалось, снова окрѣпли. Конгрессъ закрылъ свои засѣданія*). Всѣ уѣхали успокоенные и примиренные. «Деревенщина» осталась тоже довольна. Она, повидимому, приняла всѣ мѣры, чтобы обезпечить свое дѣло. Но это только повидимому.

*) Мнѣ очень пріятно убѣдиться въ томъ, что, за исключеніемъ нѣ-

На самомъ же дѣлѣ, какъ это скоро обнаружилось, все дѣло единенія было построено на пескѣ. «Элементы общества были ужъ слишкомъ разнородны, чтобы изъ нихъ могло образоваться прочное устойчивое соединеніе. Заграничные товарищи, на которыхъ «деревенщина» возлагала свои надежды—люди съ революціоннымъ прошлымъ и опытностью.—Яковъ Стефановичъ, Дейчъ, Аксельродъ и В. Засуличъ,—тоже стали въ оппозицію къ террористической дѣятельности. Разрывъ былъ неизбеженъ. Никакія личныя симпатіи, никакія традиции не дѣйствуютъ: событія сильнѣе благихъ желаній, а они неумолимо предписываютъ—разрывъ и разрывъ».

По окончаніи съѣзда мы разъѣхались. Я уѣхалъ въ Петербургъ.

Надъ Петербургомъ нависли свинцовыя тучи. Душно было въ этой мертвящей атмосферѣ правительственнаго беззаконія, съ одной стороны, и непреодолимой инертности общества—съ другой. Все замерло, точно объято столбнякомъ. Работали и боролись только террористы. Разбитые въ одномъ мѣстѣ, они снова собираются «къ шатрамъ» своимъ—въ другомъ.

Я вскорѣ получилъ предложеніе отъ товарищей поѣхать въ Кубанскую область, чтобы тамъ завязать сношенія съ мѣстной революціонно-народнической группой. Предложеніе это вполне согласовалось съ моими собственными желаніями и я отправился на Кубань. Я пробылъ тамъ съ мѣсяць, перезнакомился съ мѣстной «деревенщиной», которая, къ слову сказать, произвела на меня весьма благопріятное впечатлѣніе.

Это была небольшая группа лицъ, но вполне солидно основанная на мѣстѣ среди кубанскихъ казаковъ. Одинъ изъ нихъ (фамиліи его, къ сожалѣнію, сейчасъ не припомню) устроился лавочникомъ въ одной изъ станицъ и пользовался авторитетомъ среди казаковъ.

Другой—Золотаревъ—арендовалъ, кажется, хуторъ и, кромѣ того, имѣлъ собственную молотилку и вѣялку, которыя за небольшую плату предоставлялъ въ распоряженіе сосѣднихъ казаковъ, переѣзжая для этого самъ изъ одного хутора (станіцы) въ другой. Знакомство у Золотарева было обширное.

Въ свободное отъ полевыхъ работъ время я попросилъ товарищей-кубанцевъ собраться для выслушанія нѣкоторыхъ моихъ предложеній отъ землевольцевъ и сообщенія краткаго отчета о Воронежскомъ съѣздѣ. Мы собрались въ полѣ, въ палаткѣ. Проговорили за-полночь. Кубанцы отнеслись сочувственно къ резолюціямъ Воронежскаго съѣзда и уполномочили меня передать товарищамъ-землевольцамъ ихъ солидарность какъ съ теоріей, такъ и съ практикой «деревенщины».

Много интереснаго я узналъ отъ нихъ о сектѣ «шелапутовъ» на Кавказѣ. Товарищи-кубанцы жаловались, что недостатокъ людей не даетъ имъ возможности завязать съ «шелапутами» болѣе

которыхъ частностей, М. Р. Поповъ въ своей статьѣ „Земля и Воля накануне Ворон. съѣзда“ („Былое“ № 8, 1906 г.) вполне сходится со мною въ оцѣнкѣ Воронежскаго съѣзда, составленной мною болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ (1883—84).

тѣсныя отношенія. Они настойчиво просили меня, чтобы побольше людей направлять къ нимъ, что, помимо сектантовъ и казачества, благодарную почву для революціонной дѣятельности представляютъ въ настоящій моментъ и горцы Чеченской области. Тамъ теперь работаетъ туземецъ-народникъ (къ сожалѣнію, фамиліи его никакъ не могу вспомнить), и просьба нашего «центра» отпустить его въ Петербургъ сейчасъ не можетъ ими, кубанцами, быть исполнена, хотя въ принципѣ они ничего не имѣютъ противъ переселенія своего товарища въ Петербургъ. Что касается просьбы нашего «центра» о доставкѣ имъ оружія, то кубанцы обѣщали это устроить, но не раньше, какъ переговорахъ объ этомъ со своими остальными товарищами на Кавказѣ и поставятъ это дѣло на прочную ногу. Переговоривъ обо всемъ съ кубанской революціонно-народнической группой и познакомившись еще кое съ кѣмъ во Владикавказѣ, я вернулся въ Петербургъ. Здѣсь меня ожидалъ тяжелый ударъ: воронежское соглашеніе оказалось самымъ плохимъ изъ извѣстныхъ мнѣ соглашеній. Я засталъ полный разрывъ среди товарищей, полный расколъ, выработаны уже были всѣ пункты раздѣленія. Я попросилъ познакомить меня съ условіями раздѣленія. Мнѣ предъявили «федеративную конституцію»—такъ называли мы нашъ договоръ, выработанный обѣими сторонами для урегулированія нашихъ взаимныхъ отношеній. Согласно этому договору, общество «Земля и Воля» съ его органомъ того же названія прекращаетъ свое существованіе. Ни одна изъ образовавшихся фракцій—ни террористы ни народники—не имѣетъ права ни своей организациіи ни будущему своему органу присвоить это названіе. Матеріальныя средства распредѣляются поровну. Обѣ фракціи обяжутся другъ другу оказывать всяческую поддержку.

«Я протестовалъ тогда энергично, какъ умѣлъ и понималъ*). Я говорилъ, что крайне неразумно, неразсчитливо расхотѣться намъ въ то время, когда наша партія еще недостаточно окрѣпла, когда мы еще не успѣли организовать въ народѣ достаточно солидную боевую партію, когда самое положеніе вещей,—безпрерывная и неустанная борьба съ правительствомъ въ той или другой формѣ,—требуетъ отъ насъ большей концентраціи силъ и энергіи».

...«Но эти резоны, къ сожалѣнію, не привели ни къ чему. Одна часть ударила исключително въ борьбу съ правительствомъ, считая ее злобою дня, другая, напротивъ, въ силу естественной въ такомъ случаѣ реакціи, стала вовсе отрицать необходимость въ данный моментъ непосредственной борьбы съ правительствомъ и убѣждала сосредоточить свои силы въ народѣ».

Такимъ образомъ, разногласія о пріемахъ борьбы перешли въ разногласія принципиальныя: одни предлагали политическую борьбу на первомъ планѣ, другіе—экономическую.

Мнѣ хотѣлось спасти, по крайней мѣрѣ, органъ. Я думалъ, если «Земля и Воля» будетъ издаваться по той же программѣ, которая была выработана на конгрессѣ въ Воронежѣ, то обѣ фракціи будутъ удовлетворены. Незачѣмъ, стало-быть, дробить матеріаль-

*) Изъ „Письма моего къ бывшимъ товарищамъ“, помѣщенного въ № 1 „Чернаго Передѣла“.

ныя и литературныя силы; незачѣмъ давать поводъ радоваться правительству; незачѣмъ, однимъ словомъ, вводить въ смущеніе молодежь, рабочихъ и общество. Я высказалъ мои соображенія и тѣмъ, и другимъ, и предложилъ вести общій органъ подъ тѣмъ же названіемъ «Земля и Воля». Предложеніе мое было принято. Переговоры по этому поводу и соглашеніе, буде оно состоится, возложены на спеціальную комиссію изъ 4-хъ человѣкъ—по-двое съ каждой стороны*). Комиссія собралась. Пробнымъ камнемъ для этого послужила передовая статья одного изъ редакторовъ террористической фракціи (Н. Морозова. О. А.). Статья была прочитана. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ. Это была апологія террора и политики; терроръ не только возводится въ систему, но и политика поставлена во главу угла программы. Переговоры оказались излишними. И мы пошли разными дорогами.

Такъ общество «Земля и Воля», послѣ трехлѣтняго существованія, прекратило свою дѣятельность прекратилъ, согласно договору, свое существованіе и органъ «Земля и Воля». Я долго не могъ примириться съ этимъ. Я глубоко уважалъ моихъ товарищей-землепольцевъ, а многихъ сердечно любилъ. И они вполне заслужили это. Со многими я работалъ съ самаго возникновенія общества. Это были большіе люди. Живи эти люди при иныхъ политическихъ условіяхъ, они оставили бы глубокой слѣдъ въ теоретической и практической мысли нашей родины—въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ и политикѣ.

Но исторія имѣетъ порою свою логику—и отвела большинству этихъ людей мѣсто... на Голгоѣ! Спице мирно, борцы за свободу!..

*) Въ составъ комиссіи вошли: со стороны народниковъ — Преображенскій и пишущій эти строки, со стороны террористовъ—Морозовъ и Тихоміровъ.